

Уличное сообщество¹

Светлана Стивенсон, профессор социологии Школы социальных наук и профессий университета London Metropolitan University, Лондон, Великобритания.

ORCID: 0000-0001-5249-8160

Электронная почта: s.stephenson@londonmet.ac.uk

Аннотация

Глава «Street Society» является частью книги Светланы Стивенсон «Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia», посвященной исследованию уличной бездомности в Москве в период 1993–2005 гг. С опорой на материалы глубинных интервью с бездомными и данные наблюдений критикуются существующие в исследованиях и публичном дискурсе представления о наличии структурированного и устойчивого сообщества уличных бездомных и ставится под вопрос возможность установления и поддержания положительных социальных взаимосвязей на протяжении длительного времени. Специфика уличного «анти-места» предполагает особые формы взаимодействия бездомных друг с другом. Дефицит ресурсов, общая стигма, высокая неопределенность будущего, постоянная угроза насилия препятствуют формированию устойчивой социальности и общей позитивной идентичности. Тем не менее, бездомные находят способы выстраивать взаимовыгодные отношения на краткосрочной основе: обмениваться полезной информацией, оказывать и получать моральную и иногда материальную поддержку.

Ключевые слова: бездомность, бездомные люди, бездомность в России, исключение, стигматизация, стратегии выживания на улице

87

Для цитирования: Стивенсон, С. Уличное общество / Пер. с англ. А.А. Ченцовой // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 1. С. 87–112.

¹ Глава из книги «Пересекая черту: бродяжничество, бездомность и социальное вытеснение». Перевод с английского А.А. Ченцовой по изданию: Stephenson, S. Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. Wiltshire: Ashgate, 2006.

Опыт исключения, через который проходят уличные бездомные, отражается на всех аспектах их социального существования. Улица оказывает глубокое влияние не только на положение уличных бездомных в обществе в целом, но и на их возможности устанавливать отношения друг с другом.

Российские СМИ часто представляют уличных бездомных как членов тесно сплоченных группировок. Медиа предлагают читателям истории о хорошо организованных «подпольных сообществах», главари которых становятся обладателями огромных состояний, так как рядовые бездомные вынуждены отдавать им львиную долю своего заработка. Очевидно, что рассказы о тайном мире бездомных, где банды попрошаек вступают в сговор, чтобы обирать «порядочных» граждан, апеллируют к глубоко укоренившимся в культуре стереотипам об улице как о месте организованного сопротивления «оседлому обществу».

Некоторые представители западной академии также подчеркивают структурированный характер сообщества бездомных (см. напр: [Màrquez, 1999; Duneier, 1999]). Эти авторы обычно придерживаются более «прогрессивной» повестки и стремятся подчеркнуть «нормальность» бездомных. Согласно этим исследователям, уличные бездомные образуют дружные коллективы; они поддерживают друг друга на пути к «реабилитации» благодаря завязыванию доверительных отношений и совместной экономической деятельности, например, в уличной торговле или другом низкооплачиваемом труде. Люди с большим опытом пребывания на улице присматривают за теми, кто потерял дом недавно, дают советы. Бездомные придерживаются высоких моральных принципов, противостоя отчуждению и стигматизации. Такие нарративы подвергаются критике за стерилизацию и гламуризацию образа городской бедноты [Bourgeois, 1995; Wacquant, 2002].

Чтобы оставить в стороне вопрос, являются ли бездомные по своей сути моральными или аморальными людьми, нам необходимо взглянуть на специфические характеристики улицы как пространства и увидеть, какие типы социальных объединений доступны для ее обитателей. Что значит жить в «анти-месте», которым является улица? Возможно ли

здесь поддерживать социальные взаимосвязи, устанавливать взаимные обязательства, проявлять уважение друг к другу?

Чувство принадлежности и изоляция

Как правило, прочные связи в сообществах поддерживаются благодаря тесной коммуникации между их членами. Эти связи создают потребность в общении и заботе о тех, кто находится рядом, укрепляют чувство взаимного доверия [Wellman, 1992]. Прочные связи рассматриваются как атрибут небольших сплоченных сообществ, способных применять санкции для поддержания солидарности [Coleman, 1988, р. 105–108]. Как объясняет Коулман, члены таких сообществ связаны взаимными обязательствами и ожиданиями; они вкладываются в долгосрочные отношения.

Интервью с бездомными демонстрируют, что улица предоставляет неоднозначные возможности для установления прочных социальных связей или формирования того, что Патнэм [Putnam, 2000] называет «связующим социальным капиталом». Уличные бездомные тянутся друг к другу и одновременно ощущают потребность в отстранении друг от друга. Они хотят быть рядом с другими людьми, отчаянно нуждаясь в компании и поддержке. Однако, как мы могли убедиться в предыдущей главе, жизнь на улицах не только затрудняет установление устойчивых отношений с членами окружающего общества, но и ставит под угрозу вероятность положительно-го взаимодействия между самими бездомными.

Конечно, существуют мощные силы, которые объединяют бездомных. Несмотря на то, что на улице они не организуются в сплоченное сообщество, они занимают одно и то же положение в социальном пространстве. Их объединяет то, что Бурдьё, вслед за Гофманом, называет «чувством своего места» в обществе [Bourdieu, 1994, р. 128]. Сколь бы разные пути ни привели людей на улицу и как бы они ни отрицали свою принадлежность к социально стигматизированной группе — уличным бездомным (бомжам), — они все равно признают, что разделяют положение изгоев.

Это чувство родства с другими бездомными проявляется в том, что бездомные почти всегда отмечают присутствие других бездомных на улицах и признают, что у них есть особые коммуникативные обязательства по отношению друг к другу. В то время как прохожие либо пристально разглядывают бездомных на улицах города, либо не «видят» их, воспринимая их как «не-людей» [Goffman, 1959, p.151–153], сами бездомные хотя бы визуально отмечают присутствие друг друга. Некоторые из них вступают в более сфокусированное взаимодействие, которое Гофман называет «встреча лицом к лицу» (facial encounter) [Goffman, 1963, p. 89]. «Мы видим друг друга»; «мы друг друга узнаём издалека»; «у меня нет друзей, но я здороваюсь на улицах с половиной города».

Даже те из новоприбывших, которые стараются избегать общения с другими бездомными, не заходят так далеко, чтобы демонстрировать им свое полное неприятие. Хотя они стараются дистанцироваться от других изгоев, из их рассказов становится понятно, что они по-прежнему считают тех людьми, а не аутсайдерами.

Моя собственная гордость не позволяет мне проводить с ними время. Я бы не пошла с ними пить. Ну или, если бы я просто стояла и он бы попросил у меня сигарету, я бы с ним поговорила. Не то что бы я его презираю. Просто с ним неприятно находиться рядом (Ольга, 25 лет).

Бездомные люди вступают в краткосрочные, но взаимовыгодные отношения. Когда незнакомцы собираются вместе на вокзалах или в столовых, они снабжают друг друга важной информацией — где раздобыть одежду, обувь, получить медицинскую помощь и найти общественные душевые. Иногда они просто выпивают вместе на улице. Во время этих непродолжительных встреч люди оказывают друг другу моральную поддержку, делятся историями и воспоминаниями, мечтами о будущем. Они помогают самыми разными способами. Но их общение отражает реальность их тотальной маргинальности и исключенности.

С одной стороны, существует обязанность выручать друга друга в случае нужды, делиться едой, питьем, а иногда

и деньгами. С другой стороны, в материальном плане людям просто не хватает средств, чтобы помогать на протяжении длительного времени:

Каждый сам по себе. Тут жизнь такая. Кто чем заработал, то и... Ну а так, между собой делимся. Если у меня сегодня есть чего-то поесть, я поделюсь, потому что я знаю, что завтра у меня не будет. Потому что, если я ему не дам, он мне завтра ответит этим же (Иван, 38 лет).

Долгосрочные обязательства трудно поддерживать, и, хотя люди могут пытаться строить прочные отношения с домашняками (бедными, часто пьющими, но имеющими жилье жителями города), работниками благотворительных организаций или работодателями, вкладывать значительные ресурсы в укрепление социального капитала на улице не имеет смысла.

Бездомные не могут вытащить друг друга с социального дна. Они часто упоминают друзей, которым повезло, которым удалось найти способ покинуть улицу благодаря помощи «спасителя». Иногда таким спасителем становится мать, взрослый сын или дочь, но чаще — друг, у которого есть дом и который не только помогает с жильем, но и берет ситуацию под свой контроль, мотивирует найти работу или бросить пить. Уличные бездомные не могут сделать это друг для друга. Елена говорит:

Выкабкаться, а как это сделать? Это очень сложно, так сложно. Если добрый человек найдется, может мне, конечно. Нет, среди таких вот как здесь [нет людей, кто может помочь], одни бомжи (Елена, 44 года).

Некоторые люди пытаются обрести друзей и партнёров среди бездомных. Но большинство из тех, с кем мы беседовали, не надеялись завязать близкие отношения, и в своей ситуации не видели пользы в дружбе с другими уличными бездомными.

Интервьюер: У вас есть друзья среди бездомных?

Степан: Нет. Просто знакомые есть.

Интервьюер: Тяжело без постоянных друзей?

Степан: Нет, почему? А что друзья? Ни он уже не способен, ни я. Ни заработать, ничего... Каждый по себе живет. Есть у меня хлеб — поделюсь, курево есть — поделюсь. А больше что? (Степан, 55 лет.)

Важно подчеркнуть, что такие диспозиции не просто обусловлены личными историями и установками. Они являются продуктом среды, в которой живут бездомные. В местах более длительного проживания (таких как общежития или приюты) доверие и взаимная поддержка могут быть развиты гораздо сильнее. Например, Гвендолин Дордик показала, как бездомные в Нью-Йорке могли создавать сложные структуры поддержки, которые обеспечили то, чего не могла дать физическая среда: безопасное и надёжное место для жизни. Вывод Дордик был прост: «Бездомные, с которыми я познакомилась, выжили благодаря установлению личных отношений» [Dordick, 1997, p. 193]. Тем не менее бездомные, которых она изучала, жили в приюте, а не на улице.

В случае с московскими уличными бездомными взаимоподдержка неминуемо ограничена. Недостаток ресурсов, неопределенность уличного существования и отсутствие возможности строить какие-либо прогнозы на будущее делают практически невозможным формирование ожиданий относительно поведения других людей. Кажется, что такое положение вещей воспринимается как должное, как неизбежная часть жизни бездомных. Люди не обвиняют друг друга в неоказании помощи. Иван объясняет:

Я ни на что не рассчитываю. На что ты будешь рассчитывать. Те же бомжи, с которыми живешь... Что они будут тебя кормить, поить? Нет, конечно, они тебя тут же забудут, если ты свою долю не будешь вносить. Такие отношения.

Это не тот мир, где люди постоянно оказывают друг другу поддержку, но и не тот, где «каждый сам по себе». Все по-

стоянно меняется, и никогда нельзя быть уверенным, чего ожидать. Рассказы людей подтверждают, что в зависимости от обстоятельств можно как легко получить помощь, так и стать жертвой жестокого обращения со стороны других бездомных.

Бомжи иногда помогают друг другу. Мы замечаем друг друга. Иногда спрашиваешь: «Ребята, есть чем поделиться?» И они тебе что-нибудь дадут. У меня не было ботинок, и бомжи — совершенно незнакомые люди — дали мне новые. Иногда бывает наоборот, например, однажды кто-то украл мою сумку. Я не сомневаюсь, что это были бомжи (Борис, 52 года).

Эта непредсказуемость, по крайней мере отчасти объясняется тем, что на улицах у людей почти нет способов контролировать поведение друг друга. Не имея возможности обратиться в полицию, когда что-то идёт не так, уличные бездомные в то же время не в силах обеспечивать неформальный контроль:

Если, допустим, мы сидим и кушаем вместе, я могу, конечно, ботинки снять и оставить их на ночь. Но если ещё кто-то будет третий, я не ручаюсь за свои ботинки (Борис, 52 года).

Не все бездомные ведут изолированный образ жизни и лишь эпизодически участвуют в обмене помощью. Небольшие группы из двух и более человек могут селиться вместе в подвале, на чердаке в многоквартирном доме или на вокзале. Группы бомжей могут работать вместе, например, убирать и разгружать вагоны поездов. Иногда люди пытаются найти совместное решение проблемы выхода из бездомности. Они строят планы найти *шабашку* (сезонную работу) или какую-то другую подработку. Болезненный опыт несбывшихся ожиданий и невыполненных обещаний может привести к разочарованию в товарищах, и бездомные в итоге принимают решение быть сами по себе.

Павел, 54 года, был бригадиром строительной бригады, но стал бездомным после того, как у него на вокзале украли

деньги и документы. Сначала он пытался собрать команду из бездомных, которых встречал на улицах:

Я пытался как-то спланировать ребят. Одного молодого паренька встретил. Вроде бы нормальный. Говорю: «Давай будем вместе крутиться». Покрутились, заработали немножко — он исчез. Третий уголовник ко мне присоединился. Как раз я заработал 50 тысяч, купил себе джинсовую куртку. Вместе чуть-чуть поработали, я вижу, что он с холодцой... Говорит: «Дай мне твою куртку, я сбегаю в магазин». А сам мне тиснул эту ветровку и с концами. Вот с этим же Олегом... я говорю: «Пойдем, у меня на рынке, на вокзале работа есть. Будем работать вдвоем.» Он говорит: «Я в это не верю». Я говорю: «Почему ты в это не веришь, если я этим подрабатываю, живу и существую». Он говорит: «Я в это не верю. Лучше я пойду попрошу что-нибудь. Я постоянно голодаю...» Я раньше думал, что нужно стараться помогать людям. Но теперь я думаю, что нужно просто оставить их в покое. Потому что ты пытаешься помочь, а потом всё идет наперекосяк».

Аналогичным образом женщины, которые обычно больше внимания уделяют личным отношениям, часто жалуются на отсутствие доверия к партнерам-мужчинам. Вот как описывает свою ситуацию Василиса, 43 года, уже два года живущая на улице после того, как сбежала от насилия со стороны мужа:

Интервьюер: Есть ли у вас друзья среди бездомных?

Василиса: Я все время с разными бываю, я им не верю, они ведь обманывают, обкрадывают. Вот я с одним хожу, он сейчас находится в мужском отделении [приемника-распределителя]. Я с ним вроде, он в возрасте мужчина. А пьяный тоже начинает, кричит, ругается. А так он добрый.

Интервьюер: А по Москве как вы время проводите?

Василиса: На Арбате я сейчас. То у сожителя, то у знакомого, все до поры до времени. А так на Арбате. Попрошу денег, встречу знакомого, выпьем бутылочку, вот так

вот мы проводим время никчемно. Потом расходимся или вместе идем спать в подъезд.

Люди старшего возраста проявляют особенное нежелание заниматься поисками компании, не видя никакой пользы от общения с другими бездомными:

Зачем мне проводить время с другими бомжами? Чтобы с ними ругаться из-за пустых бутылок [в 90-е бездомные могли собирать пустые бутылки и сдавать их в магазины за небольшие деньги — СС]? Как-то раз я проходила мимо, и мне человек сказал: «Это не твоя территория». Я его немного обматерила... и пошла дальше. Зачем мне проводить с ними время? Чтобы обзавестись вшами и синяками? Это было бы просто. Если бы мне было лет двадцать, возможно, я бы кого-нибудь себе нашла. Но в пятьдесят лет люди вообще ни с кем не заводят отношений (Полина, 50 лет).

Степени отчаяния

Бездомных объединяет улица, но разделяет степень их отчаяния. Одни ещё питают надежды вырваться. Другие уже смирились со своей участью. Первые неохотно общаются с последними. Они не хотят считать себя бомжами, а также стараются избежать такой идентификации со стороны окружающего общества.

Несчастье заразно как в физическом смысле (поскольку есть постоянная угроза заразиться от других вшами или инфекцией), так и в психическом, и социальном.

Люди, недавно ставшие бездомными, часто опасаются присоединяться к тем, кто в течение более долгого времени обитают на вокзалах, в подвалах и на чердаках домов, и боятся, что их будут принуждать к общению. Олег (1954 года рождения — Прим. перев.) объясняет:

На вокзале нет друзей. Каждый сам по себе, но не забывай: ты либо с нами, либо против нас. Если ты ночуешь на вокзале, ты будешь жить так, как тебе скажут или прикажут.

Несмотря на то, что в целом бездомных мало что связывает, они создают специфические механизмы сплочения, особенно за счет совместного употребления алкоголя. Употребление алкоголя, конечно, может быть связано с зависимостью. Но помимо этого оно может рассматриваться как способ социального выравнивания, когда люди, у которых есть лишние деньги, вынуждены присоединяться к питейным кругам, чтобы не выделяться среди других и не накапливать ресурсы. Некоторые из наших информантов объясняли, что, если у бездомного неожиданно появляется сравнительно большая сумма денег и об этом узнают другие, от него ждут, что он купит выпивку всем остальным.

Рассказывая о практиках, связанных с алкоголем, бездомные мужчины и женщины часто указывали на сильное давление со стороны других бездомных, заставляющих их принимать участие в совместных попойках. Те люди, которые отказываются пить, рискуют оказаться в изоляции, по крайней мере временной. Так Ирина 28 лет, бездомная на протяжении двух лет, описывает свою неспособность наладить контакт с другими. Она встретила женщину и какое-то время собирала с ней пустые бутылки:

Ну и эта подружка, мы встретили ее друзей, и они начали вместе выпивать. Я не пью, и, когда они напились, они стали наезжать на меня. «Ты не пьешь. Ты пытаешься показать, что ты лучше, чем мы». И вот только что у меня была подружка, а через минуту у меня ее нет. Поэтому я сейчас сама по себе, я не могу ни с кем подружиться, хотя иногда я очень хочу, чтобы был кто-то, на кого можно положиться.

Некоторые люди, которые не хотят связываться с другими бездомными, пытаются избежать погружения в уличную жизнь, потому что они надеются, что скоро их жизнь

изменится. Как говорит Елена, которая шесть месяцев назад стала бездомной после того, как преступники обманом лишили ее жилья:

У меня мало среди бомжей друзей, я стараюсь как-то определиться, надо или найти свой уголок, или незачем жить, сколько можно так.

Сергей, бездомный продавец книг, недавно потерявший жилье, говорит пренебрежительно о других бездомных:

Я знаю их, но я не поддерживаю с ними контакты. От них можно заразиться вшами. Они как правило грязные, невытые, ты не можешь вести с ними серьезные дела или торговать. Они надежные люди, которые могут исчезнуть или которых в любой момент может арестовать полиция.

Татьяна, родом из Сибири, живет на улице в Москве год. Она также не хочет устанавливать близкие отношения с другими бездомными, поскольку не хочет разделять с ними стигму:

Интервьюер: *Вы общаетесь с другими бездомными?*

Татьяна: *Знакомых очень много, в лицо. А так подружиться я не могу, потому что в основном они очень грязные. Они там по несколько лет бичуют, я даже иногда боюсь с ними рядом стоять. Потому что на них все внимание обращают. Я еще, как говорится, не засвеченная. Я стараюсь при каждом удобном случае привести себя в порядок в первую очередь.*

Люди в наиболее уязвимом, бесправном социальном положении могут не вкладываться в поддержание близких взаимоотношений с теми, кто находится в той же позиции. Для тех, кто ещё надеется избавиться от статуса бездомного, контакты с другими бомжами не имеют особого смысла. За исключением эпизодической практической выгоды, совместное существование с другими бездомными означает дальнейшее

ухудшение их положения. Признавая, что они являются частью одной группы, они не могут не принимать факта, что они разделяют одну и ту же судьбу. Движение в сторону социальной смерти, полному отсутствию ресурсов для жизни и признания в обществе, в конце концов приводит и к физической смерти.

Вот как Валентина, бездомная женщина 58 лет, объясняет свое нежелание общаться с другими бомжами на улицах:

Интервьюер: А с другими бомжами вы общаетесь?

Валентина: Нет, я их опасуюсь. Я боюсь вшей от них получить.

Интервьюер: Дружите?

Валентина: Нет, а чего с ними. В основном это — падшие люди. Они гибнут как мухи. Сегодня видишь, завтра нет.

В отличие от карьер членов других «альтернативных» сообществ, которые не обитают исключительно на улицах и вовлечены в преступность, наркоторговлю или занимаются другой теневой и криминальной деятельностью [MacDonald, 1994; Crane, 1997], «карьеры» бездомных ведут к прогрессирующей стигматизации со стороны не только членов мейнстримного общества, но и тех, кто занимает ту же самую социальную позицию. В то время как новоприбывшие остерегаются связываться с людьми, которые уже погрузились в уличную жизнь, те, в свою очередь, стараются избегать хронических бездомных, упавших, по их мнению, на самое дно:

Эти люди — низшие из низших; они живут годами на вокзалах. [Как окружающие люди]... презирают бомжей, так и другие [бездомные] презирают их... Они и не подумают к ним приближаться (Валентина).

Другие «центробежные» силы в мире улиц включают в себя широкое разнообразие прошлого опыта. Улица, несмотря на связанные с ней лишения и ограниченные возможности для бездомных поддерживать свое существование, не способна гомогенизировать полностью тех, у кого за спиной

годы лишения свободы, и теми, кто с тюремной жизнью не знаком. Люди, которые не отбывали срок, говорили о том, как им было сложно общаться с бывшими заключенными, и пытались их избегать.

Точно так же пожилые люди, как Степан, боятся молодежи:

Интервьюер: Вы общаетесь с молодыми людьми на вокзале?

Степан: Нет, я держусь людей своего возраста. Молодой человек может избить. Мы стараемся к ним не приближаться. Мы здороваемся, мы друг друга признаем, но до выпивки и всего подобного дело просто не доходит.

Власть и подчинение

Опыт полного исключения, с которым сталкиваются уличные бездомные в Москве, препятствует установлению устойчивых форм социальной организации и в том числе подрывает возможности вступления в отношения власти и подчинения. Каким бы статусом ни обладали люди в прежней жизни, улица постепенно стирает социальные различия и не позволяет обрести новые. Информанты говорят, что оказавшиеся на улице бывшие заключенные с опытом существования в тюремной системе с крайне жесткой иерархией (см.: [Абрамкин, Чеснокова, 1993; Oleinik, 2003; Ефимова, 2004]) могут постараться заявить свои претензии на властную позицию, но они почти всегда терпят неудачу. Вот как описывает одну из таких неудачных попыток 59-летний Леонид:

Интервьюер: Среди уборщиков или подносчиков [на вокзалах] есть авторитеты, например, как в тюрьме?

Леонид: В Питере был один такой, но потом его, как говорится, обломали. Он сильно возомнил, что он король и старался... Понимаете, сам он на вагон не идёт работать, и старается, чтобы те, кто идет, ему деньги давали. Таких людей не признают в нашем кругу.

Интервьюер: Почему?

Леонид: Здесь не зона, здесь каждый сам за себя. Что заработал, то ты и будешь кушать. Тебя никто не накормит.

Ограниченный диапазон властных ролей среди бездомных сочетается с ограниченными возможностями совместной деятельности. Только в случае устойчивого взаимодействия и взаимозависимости (например, когда бездомные люди вместе работают на стройке или берут сезонную работу) возникают более тесные группы с более сложным разделением труда. Говорят, что бездомным, живущим на огромных мусорных свалках на окраинах Москвы, удавалось формировать более-менее сплоченные группы, в которых лидер следил за сбором и продажей найденного на свалках. Бездомные пары могут работать вместе, продавая сексуальные услуги: муж выступает в роли сутенера, а жена — в роли секс работницы. В качестве альтернативы женщины могут зарабатывать попрошайничеством, в то время как мужчины защищают их от других попрошаек, претендующих на ту же территорию.

Жизнь на улице не позволяет людям занимать властные позиции в своей группе. Они не могут завоевать репутацию, требовать уважения, аккумулировать ресурсы или претендовать на чужие. Крайне маловероятен шанс встроиться в устойчивые системы обязательств, поощрений и санкций. Иногда бездомные жаловались на попытки вымогательства со стороны других бомжей:

Жить здесь тяжело. Я собираю пустые бутылки. Один парень подходит ко мне и говорит: «Ты должен мне бутылку». Я говорю: «Как я могу тебе дать бутылку, если у меня нет денег и мне нужно еще кормить сына». Парень сказал, что он рэкетир, но он был ещё и бездомным. Он постоял, посмотрел на меня, а потом просто ушел (Назым, 34 года).

Такие попытки являются в основном оппортунистическими и не ведут к систематическому контролю и доминированию. Социальное регулирование может появиться только

на особых территориях, где есть условия для возникновения борьбы за какие-то преимущества. Там можно согласовать доступ к ресурсам. Борис, которого спасли от неминуемой смерти священники и община церкви Косьмы и Дамиана в Москве, объяснил, как он начал попрошайничать и в течение некоторого времени регулировал доступ других бездомных к церкви:

Интервьюер: Среди бомжей есть конкуренция?

Борис: За право под солнцем, у каждого свое место.

Интервьюер: За это ведется борьба?

Борис: А как же? К этому храму я, допустим, знаю, кого подпустить, а кого нет. А попробуй, будет не конкуренция, а будет бардак.

Наши информанты считали, что даже минимальное саморегулирование на улицах представляется безусловным благом, и это было ясно из их описаний «хороших мест», где такое регулирование существовало:

Евгений: А вообще Киевский вокзал хвалят.

Интервьюер: Кто хвалит?

Евгений: Люди хвалят. Наши вот, бичи. Говорят: «Если хочешь подработать, подойди к бригадиру», там тоже среди бичей есть бригадир, вроде как у него разрешение надо спрашивать, чтобы пропустили» (Евгений, 36 лет).

Именно на вокзалах часто формируются такие правила саморегулирования.

Интервьюер: Есть ли какая-то организация среди бездомных на вокзалах или в других местах?

Леонид: Да. Например, я убираю вагоны [на вокзале]. У нас свой круг. У носильщиков багажа — свой. Мы все знаем друг друга. Если кто-то появляется на нашей территории, сначала мы их предупреждаем. Если они всё равно не понимают, мы заставляем их понять.

Иногда, чтобы собирать пустые бутылки рядом с вокзалом или убирать вагоны, необходимо дать взятку лидеру группы. Но это лидерство нестабильно: сегодня человек здесь, завтра его уже нет, ушел в какое-то другое место или попал в тюрьму. Часто достаточно выпить с людьми, которые работают на вокзале, или просто околачиваться поблизости и примелькаться, чтобы получить разрешение работать на территории.

Пока люди не потеряли здоровье, способны работать и сохранять презентабельный вид, они могут иметь власть над теми, кто только оказался на улице. Валентина говорит:

Они считают себя выше нас, они лучше знают правила, больше нас уже здесь. Я считаю, что я бомж не-большого стажа, не знаю как. Почему-то ко мне подходят и могут сказать, уйди, дай я сяду. Они считают, что у них силы больше.

Эта власть, тем не менее, часто оспаривается и в любом случае длится недолго, так как люди могут легко уйти в другое место. Претензии бездомных на публичные места столь же эфемерны, как и их контроль над какой бы то ни было другой территорией.

Виктимизация на улицах

Одна из характеристик повседневной жизни московских бездомных — насилие. Бездомных избивает полиция, гоняют местные жители, на них нападают банды подростков. Даже молодежные банды, которые, судя по всему, участвуют в самых жестоких нападениях, могут действовать, исходя из убеждения, что они очищают территорию города. Это было подтверждено в моих фокус-группах с молодыми людьми, которые были членами уличных группировок в одном из московских округов². Они с удовольствием рассказывали о том,

² Фокус-группы с мальчиками 12–16 лет были проведены в 2003 г. в центре «Дети улиц», находящемся в Южном административном

как избивали *бомжей*. Те были очевидно удобными жертвами, слабыми и неспособными себя защитить, и агрессию по отношению к ним можно было оправдать необходимостью очистить территорию города от «грязи». Бездомные были для этих подростков «человеческим мусором», и они заслуживали, чтобы их унижали и изгоняли из мест, где те пытались найти приют³.

Особенно поразительно, что восприятие уличных бездомных как грязи, от которой необходимо очистить московские улицы, разделяли некоторые бездомные дети. Они тоже участвовали в насильственных нападениях на *бомжей* старшего возраста. Это были подростки, которые ютились вместе в подвалах, на чердаках, у подземных водопроводных труб и выживали за счет эпизодических заработков и краж. В их групповых нападениях на взрослых бездомных не было финансовых мотивов. Не считали они их и соперниками в борьбе за использование городского пространства. В их представлении такие нападения демонстрировали их «маскулинные» качества.

Бездомные подростки из таких банд категорически отказывались признать себя уличными *бомжами*. Они называли себя бродягами, которые сами управляли своей судьбой. Многие из них бежали из дома или интернатов для несовершеннолетних. Как и подростки с крышей над головой, они испытывали отвращение к *бомжам*, которых они считали пассивными,

округе Москвы. Они были частью проекта «Социальная инклюзия молодежи в неблагополучных районах», проводимого Советом Европы. Некоторые из результатов проекта были представлены в Hardiman & Lapeyre, 2004.

³ Дискурс защиты границ и ощущаемой как «долг» санации территории был также представлен, когда молодые люди говорили о мигрантах с Кавказа и зарубежья (особенно о черных), которые, по их мнению, тоже загрязняли Россию. Когда их просили пояснить природу этого «загрязнения», молодые люди говорили, что те были связаны с криминалом и торговлей наркотиками — деятельностью, с которой эти подростки и сами были прекрасно знакомы. Тем не менее, это очевидное противоречие не мешало им верить в свою миссию очищать город, что они и делали, нападая на чужаков, особенно если у них было преимущество в силе. О подростковых субкультурах, применяющих насилие [Лисовский, 2000; Тарасов, 2000; Лихачев, 2002].

слабыми, неспособными постоять за себя и поэтому полностью виновными в своей участи. Например, 15-летний Мирон, член такой банды, говорил о своем отношении к уличным бездомным так:

Я не уважаю бомжей. Если они оказались в такой ситуации, они должны что-то с этим делать — воровать, искать выход, а не просто сидеть и пить. Бомжи пьют, собирают пустые бутылки, роются в мусорных контейнерах — в чем здесь смысл?

В свою очередь, бездомные дети, которые жили сами по себе или со взрослыми бездомными и существовали за счет попрошайничества и случайных заработков в уличной экономике, а не преступной деятельности, с большей вероятностью ассоциировали себя с бомжами. Например, 14-летний Паша, чьи родители были безработными алкоголиками, продали квартиру и так стали бездомными, признавал, что он сам бомж. «Кем еще я могу быть, если живу в подвале?». Олеся, 17-летняя секс-работница, которая на момент интервью жила в квартире, которую ей предоставила мадам (мамочка), до этого имела опыт бездомности. Она думает, что среди бездомных есть хорошие и плохие люди:

Бомж — не ругательное слово. Это человек без определенного места жительства, который живет там, где может найти приют. Среди них есть люди, которые снимут с себя одежду и отдадут тебе, если ты мерзнешь, и есть те, кто могут тебя обокрасть. Поверьте, среди них очень разные люди.

Конфликты и насилие среди уличных бездомных

Помимо внешней агрессии, в мире бездомных постоянно присутствуют конфликты и насилие. Информанты часто говорили об улицах как о территории беспредела. Это слово,

родившееся в советских тюрьмах и лагерях, означает отсутствие формальных и неформальных норм, в особенности в области регулирования насилия.

Когда информанты обсуждали отношения между бездомными людьми, они описывали мир, где конфликты могут возникнуть в любой момент и где мелкие стычки могут с легкостью превратиться в вспышки неконтролируемой агрессии. Николай, у которого был опыт тюремного заключения, прежде чем он стал бездомным, описывает это так:

Интервьюер: А в конфликты с другими бомжами вы вступаете?

Николай: Бывает. То скажешь чего-то не так, тем более пьяный, то еще чего-нибудь. [Бьют те] с кем работал, [кто] по каким-то причинам чем-то недоволен. Если раньше сроду у меня такого не было, при бомжестве это частенько бывает.

Кажется, что любое «нормальное» регулирование насилия здесь отсутствует. Бездомные информанты замечали, что достаточно часто видели насилие со стороны физически более сильных в адрес более слабых, молодых — в отношении пожилых, мужчин — в отношении женщин. Бездомные люди обычно не вмешивались, если становились свидетелями краж, нападений, происходивших между бездомными. Как объясняет Борис:

Нет, друг друга бездомные не поддерживают, это я вам могу сказать сто процентов. Они поддерживают свои кланы, где они 5–6, 10 человек, это ещё поддержка есть, если там обижают, они заступятся. А так чтобы общее, если я его не знаю, он знает что я бомж, со мной плохо, он отвернется и уйдет. Равнодушие.

Новоприбывшие особенно ужасались уличному насилию. Они указывали на риск насилия как одну из основных причин того, почему они избегали других бездомных, несмотря на потребность в человеческой компании.

Татьяна: У них свои территории, где они собирают бутылки и объедки. Если ты помотришь, ты увидишь, что они гоняют друг друга. Я часто вижу, как они дерутся, даже до крови.

Интервьюер: Почему это происходит?

Татьяна: Я не знаю. Мне кажется, что они могут избить друг друга просто из-за пустой бутылки. «Ты зашел не на ту территорию, это не твоё место». Бомжи могут забрать друг у друга одежду или обувь. Я видела, как это происходило, несколько раз.

Интервьюер: Чью одежду они обычно забирают?

Татьяна: Ну, скажем, бомж идет пьяный. Они раздевают его у всех на виду, и никто не говорит ни слова. Это обычно происходит летом. Они сразу надевают эту одежду и уходят. Я думаю, для них это в порядке вещей. Сегодня я заберу чью-то одежду. Завтра кто-то заберет мою. Такова жизнь в наши дни.

Татьяна отмечает — и это было подтверждено интервью с хроническими бездомными, — что насилие является чем-то привычным. С ним нужно научиться жить и находить способы либо его избегать, либо с ним справляться. Несколько женщин, например, рассказывали о том, что их обкрадывали бездомные «подруги», забирали их деньги или документы (одну даже в процессе ударили бутылкой по голове). Однако позже, несмотря на свою ярость, жертвы продолжали общаться со своими абьюзерами и считать их своими друзьями.

Как мы можем объяснить практики насилия на улицах? Может быть, бездомные — просто агрессивные люди, которые страдают от расстройств личности и отягощены багажом прошлых бед и разочарований? Может, они склонны к конфликтному поведению под воздействием алкоголя или из-за гнева и фрустрации из-за невыносимой жизни на улице? Помимо рассмотрения этих причин проявления насилия столь же важно анализировать практики насилия в контексте особой социальной позиции уличных бездомных.

Формы, которые насильственное поведение принимает, сильно зависят от специфического контекста. Те же люди, которые встречались с насилием на улицах — как жертвы или

как агрессоры, — сообщали об очень разных формах насилия, с которыми они сталкивались в прежней жизни до того, как они стали бездомными. Например, многие из бывших заключённых говорили, что они предпочитают тюрьму бездомности. Насилие в тюрьме строго регулировалось нормами тюремной культуры (о специфической системе тюремной справедливости см.: [Абрамкин, Чеснокова, 1993; Oleinik, 2001]). Аналогично молодые люди из детских домов были склонны описывать насилие в контексте поддержания иерархической системы субординации среди ровесников. Формы, которые насилие приобретало в армии, также отличались. В этом случае оно было ритуализировано в практиках «дедовщины».

Формы, которые насилие принимает на улице, отличаются от тех, которые проявляются в других контекстах. Помимо насильственных практик, вовлекающих бездомную молодежь, которая действует исходя из норм специфических субкультур, построенных на насилии, насилие среди бездомных отличается крайней ситуативностью, спорадичностью и оппортунистичностью. Оно не реализуется в согласии с каким-либо «кодом» и не служит способом завоевать репутацию через применение силы.

Насилие занимает заметное место в культуре бездомности из-за того, что на улице не может складываться устойчивая социальность. Бездомные обычно не имеют шансов добиться справедливости, обратившись к силам правопорядка. В случае конфликта интересов или предполагаемой угрозы они вынуждены реагировать здесь и сейчас. С экономической точки зрения доступ к возможностям работать на городской территории иногда обеспечивается с помощью насилия. Например, люди пытаются отстаивать своё «историческое» право просить милостыню или собирать бутылки на определённой территории, при этом унижая или избивая тех, кто на это право покушается.

Наши бездомные информанты чувствовали, что экстремальные условия их существования прекращали действие «обычных» норм морали, и были готовы если не простить, то понять друг друга. Как сказала Валентина про здоровых, трудоспособных мужчин, обкрадывающих других бездомных:

Люди воруют друг у друга. Но что еще им остается делать? Они ничего больше не могут, они не могут заработать, попрошайничая, а что еще остается, чтобы выжить?

Как сказал Вячеслав, «Система заставляет нас переходить черту. Тебе просто нужно выживать».

Пределы насилия среди бездомных могут зависеть от контекста их жизни и степени тяжести их жизненных условий. Некоторые авторы, которые изучали бездомность в крупных городах Европы и Северной Америки, указывают на насилие как на постоянную реальность [Bogue, 1963, Prolongeau, 1993; Guillou, Mooreau de Bellaing, 1995]. Другие описывают относительно мирные сообщества, где насилие встречается редко и где преобладающей нормой является взаимная поддержка [Wiseman, 1970; Rowe, Wolch, 1990; Snow, Anderson, 1993; Duneier, 1999]. Дэвид Вагнер, который обнаружил «сложно устроенное и сплоченное альтернативное сообщество» среди бездомных в Сент-Луисе, отмечает:

Социальная организация людей, живущих на улице, отражает не только общий образ жизни или ценности внутри этих первичных групп, но и широкий социально-экономический и исторический контекст. Разные степени социальной враждебности в отношении бездомных и бедных людей, разный доступ к ресурсам иногда объединяет, иногда разделяет и ограничивает социальную сплоченность внутри уличного сообщества.

В современной России социальная сплоченность бездомных минимальна. Они не воспринимаются как полноценные члены общества, им не хватает материальных ресурсов, чтобы помогать друг другу, и возможностей создавать позитивные идентичности в своём кругу. Их жизнь на улице означает, что им сложно реализовывать неформальный контроль и формировать долгосрочные ожидания в отношении поведения друг друга. Исключенные из общества, они не могут поддержать друг друга с тем, чтобы снова в него войти.

Литература

1. Абрамкин, В., Чеснокова, В. Тюремный мир глазами политзаключенных, 1940–1980-е годы / Под ред. В. Абрамкина. М.: ЗАО ИД «Муравей», 1998.
2. Ефимова, Е. Современная тюрьма: Быт, традиции, фольклор. М.: Изд-во ОГИ, 2004.
3. Лисовский, В. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учеб. пособие для студентов вузов. СПб.: СПбГУП, 2000.
4. Лухачев, В. Нацизм в России. М.: Центр «Панорама», 2002.
5. Тарасов, А. Бритоголовые. Новая протофашистская молодежная субкультура в России // Дружба Народов. 2000. № 2. С. 130–150.
6. Bogue, D. Skid row in American cities, community and family study center. Chicago: University of Chicago, 1963.
7. Bourdieu, P. Social space and symbolic power // Bourdieu, P. Essays towards a Reflexive Sociology / Trans. by M. Adamson. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 123–139.
8. Bourgois, P. In Search of respect: Selling crack in El Barrio. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
9. Coleman, J. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. No. 1. P. 95–120.
10. Dordick, G. Something left to lose. Personal relations and survival among New York's Homeless. Philadelphia: Temple University Press, 1997.
11. Duneier, M. Sidewalk. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1999.
12. Goffman, T. The presentation of self in everyday life. New York: Doubleday Anchor, 1959.
13. Guillou, G., Moreau de Bellaing, L. Les SDF, un Phénomène d'Errance. Paris: Harmattan, 1995.
14. Hardiman, P., Lapeyre, F. Youth and social exclusion in disadvantaged urban areas: Policy approaches in six European cities. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2004.
15. Márquez, P. The street is my home. Youth and violence in Caracas. Stanford: Stanford University Press, 1999.
16. Oleinik, A. Organised crime, prison and the Post-Soviet society. Aldershot: Ashgate, 2003.
17. Prolongeau, P. Sans domicile fixe. Paris: Hachette, 1993.
18. Putnam, R. Bowling alone: The collapse and revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000.
19. Rowe, S., Wolch, J. Social networks in time and space: Homeless women in skid row // Annals of the Association of American Geographers. 1990. Vol. 80. No. 2. P. 184–204.
20. Snow, D., Anderson, L. Down on their luck. A study of homeless street people. Berkeley: University of California Press, 1993.
21. Wacquant, L. Scrutinizing the street: poverty, morality, and the pitfalls of urban ethnography // American Journal of Sociology. 2002. Vol. 107. No. 6. P. 1468–1532.
22. Wellman, B. Which ties provide what kind of support? // Advances in Group Processes / Ed. by E. Lawler, B. Markovsky, C. Ridgeway, H. Walker. Greenwich, CT: JAI Press, 1992. P. 207–235.

23. Wiseman, J. Stations of the lost: The treatment of skid-row alcoholics. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Svetlana Stephenson

Street society

Svetlana Stephenson, Professor of Sociology, School of Social Sciences, London Metropolitan University, London, UK.

ORCID: 0000-0001-5249-8160

Email: s.stephenson@londonmet.ac.uk

Abstract

The chapter 'Street Society' is part of Svetlana Stevenson's *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*, a study of street homelessness in Moscow between 1993 and 2005. Based on in-depth interviews with homeless people and observational data, it criticises the existing notions in research and public discourse about the existence of a structured and sustainable community of street homeless people and questions the possibility of establishing and maintaining positive social relationships over a long period of time. The specificity of the street 'anti-place' implies specific forms of interaction of homeless people with each other. The lack of resources, shared stigma, high uncertainty of the future, and the constant threat of violence hinder the formation of stable sociality and a common positive identity. Nevertheless, homeless people find ways to build mutually beneficial relationships on a short-term basis — sharing useful information, giving and receiving moral and sometimes material support.

Keywords: homelessness, homeless people, homelessness in Russia, isolation, stigmatisation, street survival strategies

For citation: Stephenson, S. (2026). Street society. Transl. by A.A. Chentsova. *Sotsiologiya zaboty* [Russian Sociology of Care]. Vol. 1. No. 1. P. 87–112. (In Russ.)

References

1. Abramkin, V., Chesnokova, V. (1998). *Tyuremnyj mir glazami politzaklyuchennykh, 1940–1980-e gody* [The Prison World through the Eyes of Political Prisoners, 1940s–1980s]. Ed. by V. Abramkin. Moscow: ZAO ID “Muravej”. (In Russ.)
2. Bogue, D. (1963) *Skid row in American cities, community and family study center*. Chicago: University of Chicago.
3. Bourdieu, P. (1994). *Social space and symbolic power*. In *Essays towards a Reflexive Sociology*. Transl. by M. Adamson. Cambridge: Polity Press. P. 123–139.
4. Bourgois, P. (1995). *In Search of Respect: Selling Crack in El Barrio*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Coleman, J. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. No. 1. P. 95–120.
6. Dordick, G. (1997). *Something left to lose: Personal relations and survival among New York's homeless*. Philadelphia: Temple University Press.
7. Duneier, M. (1999). *Sidewalk*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
8. Efimova, E. (2004). *Sovremennaya tyur'ma: Byt, traditsii, fol'klor* [The Modern Prison: Everyday Life, Traditions, and Folklore]. Moscow: Izdatel'stvo OGI. (In Russ.)
9. Goffman, E. (1959). *The Presentation of self in everyday life*. New York: Doubleday Anchor.
10. Guillou, G., Moreau de Bellaing, L. (1995). *Les SDF, un Phénomène d'Errance*. Paris: Harmattan.
11. Hardiman, P., Lapeyre, F. (2004). *Youth and social exclusion in disadvantaged urban areas: Policy approaches in six European cities*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
12. Likhachev, V. (2002). *Natsizm v Rossii* [Nazism in Russia]. Moscow: Tsentr “Panorama”. (In Russ.)
13. Lisovskij, V. (2000). *Dukhovnyj mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [The Spiritual world and value orientations of Russian youth: A textbook for university students]. St. Petersburg: SPbGUP. (In Russ.)
14. Márquez, P. (1999). *The street is my home: Youth and violence in Caracas*. Stanford: Stanford University Press.
15. Oleinik, A. (2003). *Organized crime, prison and the Post-Soviet society*. Aldershot: Ashgate.
16. Prolongeau, P. (1993). *Sans Domicile Fixe*. Paris: Hachette.
17. Putnam, R. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster.
18. Rowe, S., Wolch, J. (1990). Social networks in time and space: Homeless women in skid row. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 80. No. 2. P. 184–204.
19. Snow, D., Anderson, L. (1993). *Down on Their Luck: A Study of Homeless Street People*. Berkeley: University of California Press.
20. Tarasov, A. (2000). *Britogolovye. Novaya protofashistskaya molodezhnaya subkul'tura v Rossii* [Shaven Heads: A New Proto-Fascist Youth Subculture in Russia]. *Druzhba Narodov* [Friendship of Peoples]. No. 2. P. 130–150. (In Russ.)

21. Wacquant, L. (2002). Scrutinizing the street: Poverty, morality, and the pitfalls of urban ethnography. *American Journal of Sociology*. Vol. 107. No. 6. P. 1468–1532.
22. Wellman, B. (1992). Which ties provide what kind of support? In *Advances in Group Processes*, edited by E. Lawler, B. Markovsky, C. Ridgeway, H. Walker. Greenwich, CT: JAI Press. P. 207–235.
23. Wiseman, J. (1970). *Stations of the lost: The treatment of skid-row alcoholics*. Chicago: University of Chicago Press.